

«Держу я звезду на ладони — дар неба для милой земли» (К биографии Александра Гусева)

Александр Иванович Гусев родился 11 февраля 1939 г. в д. Шемякино Порховского района Псковской области, учился в радиотехникуме в Ленинграде, в Московском литературном институте им. А.М. Горького. Служил в Советской Армии, работал на Псковском заводе радиодеталей, в Псковском музее-заповеднике, Псковской областной научной библиотеке, редактором Новгородского отделения Лениздата, научно-исследовательском центре при АН СССР. Первые публикации появились в газете «Молодой ленинец» в 1962 г., затем вышло несколько поэтических сборников. Член Союза писателей России. Скончался 20 октября 2001 г. в Пскове.

Одним из лучших современных поэтов считал Александра Ивановича Гусева доктор филологических наук профессор Псковского педагогического института Е.А. Маймин. Специалист по литературе «серебряного века» В.Н. Голицына¹ увидела в его поэзии продолжение традиций русской философской поэзии.

Сам поэт в предисловии к небольшому неизданному сборнику стихов писал: «В поэзии ценю русскую традицию, главное, внутреннюю жизнь стиха, которой, по моему мнению, почти чуждо все внешнее, нет-нет и принимаемое сегодня почему-то за индивидуальность». «Поэту достало такта и умения обходиться только «своим строем» души, единственно неповторимым, и быть точным во всем, в том числе и в рифме».²

Известный поэт Н. Доризо³ назвал поэзию Александра Гусева «болью, переплавленной в мудрость» и высказал сожаление о том, что современники «просмотрели» Поэта. Действительно, несмотря на то, что первые публикации стихов А. Гусева относятся к 60-м гг.⁴ и к настоящему времени их библиография насчитывает более 100 наименований, что вышло в свет 6 сборников его произведений⁵ (небольших, к сожалению), широкое знакомство с поэзией его ещё впереди. В настоящее время ведётся разбор ар-

хива Поэта и собираются материалы, необходимые для издания обстоятельной книги его поэтических и прозаических трудов с необходимыми комментариями к ним.

Ныне лишь обозначим наиболее важные факты его жизненного пути, которым сам поэт придавал особое значение, приводя в качестве неоспоримого свидетельства строки своих стихов (несмотря на кажущуюся подчас невероятность, в основе каждого из его произведений лежит некое реальное событие, произнесённое слово или даже жест).

Как и положено, явлению в земной мир Поэта сопутствует изначально некая тайна. Она касается уже его родовых корней. Документальные свидетельства утверждают о рождении его в крестьянской семье. Однако, согласно семейной легенде,⁶ мать его, Акулина Фёдоровна (1900-1971 гг.), была происхождением из мелкопоместных дворян Порховского уезда. Отец его, Иван Андреевич (1905-1974 гг.), носивший до 1939 г. фамилию Андреев, пришел из Петрограда и «был» по социальному происхождению рабочим. Между тем три сестры отца были хорошо образованны, говорили на нескольких иностранных языках. Вопрос о родовых корнях был в семье «закрытой темой».

Любовь к родному дому, память о нём сопровождает Поэта всю творческую жизнь.

Первые воспоминания (потрясения) относятся к годам «страшной» Отечественной войны:⁷

Антипова Римма Никандровна - научный сотрудник Псковского музея-заповедника

Ещё не рассвет - предрассветная дымка.
Я - чей-нибудь сын, сирота, невидимка.

Я только что чудом ушёл от расстрела.
Родная изба, словно факел, горела.

И падали сосны окрест, вековые.
Где мёртвые, где – отзовитесь! – живые?

Не слышу, не вижу, не помню, не знаю.
И снова зову и себя называю.

Я здесь, я прошу подаяния крохи:
Своё Христа ради у страшной эпохи.

Своё Христа ради у вас за спиною.
Побудьте со мною, побудьте со мною.<...>

В основе этого пространственно ёмкого стихотворения лежат события,⁸ увиденные глазами еще только начавшего осознавать себя испуганного ребёнка: деревенский люд, выстроенный вдоль дороги в ожидании расстрела, горящая изба, подожженная своими (партизанами) деревня, вековые сосны в лесу, куда было угнано затем население Шемякина. Общая растерянность, сумятица, крик, плач сохранил «свет памяти» навсегда, лаконично и точно выразившись в звуке и слове стиха.

Среди «непоправимых бед» войны, постигших семью, где было четверо детей (Николай, Анна, Анастасия, и младший – Александр), – весть о гибели брата Николая.

«Матери моей Акулине Фёдоровне»,⁹ получившей похоронку, посвящены строки соучастия в горе:

Сказала:
Нет!
Кричала:
Н-е-е-ет!
Не может быть!
Ждала.
Один
Рассвет
Второй рассвет
Без памяти была.<...>

Откликом звучат песенные, раздумчивые ритмы, вложенные поэтом в уста погибших и посвящённые «светлой памяти брата Николая»:¹⁰

Где-то есть на планете
Дом среди тишины.
Ждите нас на рассвете.
Мы вернуться должны.<...>

Ждите нас на рассвете,
Мы неслышно придём,
Ваши вечные дети
Вместе с утренним сном.
Спят и травы, и птицы.
Припадите к груди,
Нелегко нам смириться
С тем, что жизнь позади.<...>

В том же 1969 году Поэтом, прошедшим к этому времени новые тяжкие потрясения, было создано стихотворение «Облачко»,¹¹ принадлежащее к числу наиболее близких к «строю души», стихотворение, в котором судьбы братьев погибшего (и всех погибших-братьев) и живущего (на стертой грани между жизнью и смертью) сливаются в нерасторжимое единство:

Как это было? – А просто:
Там, где кончался тростник,
Встал я, вернее – в полроста
Лишь приподнялся на миг.
Может быть, мне намечталось
Облачко тронуть рукой –
Так оно тихо качалось
На стебельке над рекой.<...>

Что я почувствовал? – Вспышку,
Там, за рекой, в синеве...
Что я увидел? – Сынишку.
Шёл он, смеясь, по траве,
Мимо кустов краснотала...
Русый, высокий, живой,
Шёл он – и тихо сияло
Облачко над головой...

Что же я делаю? – Внемлю
Грому небес, тишине.
Думаю. Слушаю землю.
И – остаюсь на войне.

Послевоенное детство было обычным для выросших в тех семьях, которые «были в оккупации» и, следовательно, носили на себе определённое «клеймо», – об этом так же болезненно отзываются стихи. Годы учебы в Шемякинской школе, затем в Псковской

школе №8, а затем в Ленинградском радиотехникуме нам мало известны.

Годы с 1958 (с октября) по 1962 (до февраля) были годами службы в Советской Армии. Этот жизненный период также надолго оставался «закрытой темой», «государственной тайной», о неразглашении которой была взята с Поэта подписка.¹²

В 1992 г. в стихотворении «Через тридцать лет»¹³ в скорбном, через силу ритмическом пространстве прозвучало:

...я – за то, что жив
Остался <...>
...был должен стать –
И стал – молчащим камнем, словом
Разъятым... Сам себе – как тать.
Обожжены огнём свинцовым
Уста, и намертво печать
Скрепила их...

– Ау, страна,
Не родина – страна, все строки
Мои прошли, моя ль вина,
Коль жив я до сих пор?..

Его стихи, читаем мы в другом стихотворении,¹⁴

... увы, запрятаны поныне
По разным тайникам, закопаны в земле,
В родной стране они – как бы в чужой пустыне.
При белом свете дня – а всё как бы во мгле.

Какие б ни случились завтра благостыни,
Я здесь плохой жилец; и в тлеющей золе
Стихи я узнаю, и в обожжённой глине,
И в горстке пепла – или пыли? – на столе.

В них слёзы, и зачем я был рождён когда-то?
Как мама говорит, я плакал года два.
Она моей хотела смерти, и едва
Убереглась однажды... После виновато
Смотрела... Но метнулся ангел мой куда-то
Его я помню. Ночь. И небо. И слова...

Годы эти (годы службы и последующие) определили характер жизни, выработали отношение к Слову, его многозначной силе, особую смысловую «зашифрованность», «обратимость» словосочетаний, подчас магическое напряжение «силовых ли-

ний» ритмической взаимосвязи при собранной завершённой постройке форм стиха.

В 60-е годы (время работы на Псковском радиозаводе) в первых публикациях в местной периодике лишь отдельные строки повествуют о годах военной службы:¹⁵ «географии» военных странствий - Бурятия, Казахские степи, Чита. ... В стихотворении «Бес-смертие»¹⁶ как бы «мимоходом» мелькнула трагическая строка: «Трижды я умирал и трижды воскресал».

Стихи о «засекреченных» годах службы Родине вошли в цикл, названный автором «Упразднённые стихи». Они были опубликованы только в 1996 году в сборнике «Если приду», изданном на средства автора и ценителей его поэзии.

В цикле «N-ый смертник на N-ом квадрате», «навсегда безымянный герой», один из многих, служивших в испытательном батальоне, участвует в первых испытаниях ракетного оружия на ядерном топливе. Среди упомянутых им мест «дислокации очередной» и Нижняя Кама, и Приаралье, и Вилюй, и Витим, и Нижняя Тунгуска. Стихи сохранили и его (их - смертников) крестный путь, гибельный для всего живого. Получивший смертельную дозу радиации, вынесенный также облучённым командиром с полигона, он был вместе со всем батальоном «в теплушке для скота, как упразднённая фита», из нижекамской мглы отправлен в Сибирь.

К сожалению, документальными данными о годах службы в испытательном батальоне мы не обладаем и можем судить со слов Поэта лишь о том, что весь батальон погиб, а об остальном говорить ему было невозможно: «очень больно». Только стихи, их гармоническая сила разрешала молчание.

По прибытии в Сибирь местом «дислокации» испытательного батальона становится концлагерь близ Анзебы,¹⁷ его бараки, со сколами прощальных надписей расстрелянных, расположенный в 7 верстах от Ангарского падуна.

Плачь, душа, молись, не забывай концлагерь
близ Анзебы

И падуна ангарского – утробы

Ревущие...(...) Слов

Едва ль хватило б, чтобы всё оплакать,

И крови – искупить, и жить – не ахать
О собственной, летящей под откос (...)

Я был солдат, и только, и свободный
В той мере, чтобы где-то, по статье
Расстрелянным быть, может, без суда.

Чёрные диски, падающие с высот на
жилое зимовье, вырванные воздушной вол-
ной огромные кедры и лиственницы, воющие
собаки, сметённые охваченные огнём строе-
ния – следствия испытаний, проводимых с
участием автора стихов – радиста, «винти-
ка машины державной».

В 1969 году в жёстких, будто раска-
лённых ритмах было создано стихотворение
«Распад»¹⁸ – ёмкое обобщение испытанного:

У-У, как воет, и воет, и воет
Этот ветер, и режет, и жжёт.
Эта тьма меня позже накроет,
Распадётся, убьёт – не убьёт?

Серебристые вскинутся руки
Термоядерных слуг, унесут,
Словно пёрышко – в бездну, от муки
На какой-то небожеский суд.
Будут в белой одежде толкаться
Привиденья – на чёрном лугу:
Я никак не хочу распадаться:
Не могу, не могу, не могу.

После этого был госпиталь, «никому
не известный» у «не созданной Богом реки»,
«лечение молитвой». После «зафиксирован-
ной»¹⁹ смерти и молитвы священника (пред-
смертное свидетельство Поэта) жизнь верну-
лась:²⁰

Я воскресал. Небытия
Виденья меркли неземные:
Из бесконечно многих «я»
Я выбирал себя... Иные
Мне укоризненно вослед
Смотрели... Лица восковые...
Но смерти не было и нет, –
Всё живо... Бедные живые <...>

Мой батальонный командир
Молчал об этом, умирая;
Но мир не знал его, наш мир
Не помнил и себя, сгорая,
Поскольку вечности до нас
Нет дела... Но всегда над нами
Дыханье чьё-то, чых-то глаз

Мерцание под небесами.(...)
В своём родном селе Покровском
Мой командир, увы, когда
И был! – И не был, и не будет...
И страха Божьего Суда
Бежать не думал... Не осудит
Его Всемилоостливый <...>

А я, как факел, сколько лет
Мечусь, где догорю, не знаю.
Мой атомный смертельный свет
В себя, бессильный, загоняю.<...>

Последующая жизнь демобилизованно-
го молодого человека, вернувшегося на пре-
жнее место работы – Псковский радиозавод,
заклочала в себе раздирающую противоре-
чивость. Под ординарным ежедневным ис-
полнением служебных обязанностей, участи-
ем в общественной жизни – народном театре,
художественной самодеятельности, поэти-
ческом кружке²¹ – таилась под покровом без-
молвия другая, обнаруживающая своё тай-
ное постоянными вспышками недомоганий и
болезней, наполненная нежной любовью к
миру природы, откликающаяся соучастием
в страданиях всему живому:²²

Я сегодня похож на лесную корягу,
Что лежит на тропинке, ведущей к оврагу
С потемневшей сиренью: она отцвела.
Я цепляюсь за каждого, так без причины.
Вы уходите живо, легко, и на спины
Ваши падает тень от сухого ствола, –
Я когда-то был веткой такой же вот тени.
И когда-нибудь вы – в отведённый вам срок
Тенью станете здесь, и сквозь ваши колени
Он пробьётся опять, мой безумный росток...
Я люблю беззащитное и безнадежно
Обделённое всем, чем душа дорожит,
Мне без этого жить – и не жить – невозможно:
Всё-то просит пощады, и ждёт, и дрожит.

Свою индивидуальную судьбу Поэт
понимал как одну из многих не только в со-
циальной жизни общества, но и в мировом
столкновении сил Света и тьмы:²³

И был я изгнан, как пророк,
Которым не был, и не мог
Не быть, почти в небытие –
В предписанное мне молчание –
Был изгнан, только за моё
Служенье родине, в прощанье

С собою – изгнан... Как напасть,
Жизнь становилась, как проклятье...

Так нарываются на власть;
Так подменяются понятия
Добра и зла, чтоб в пустоте
Механистического сходства
Забыть свой образ во Христе;

Так изгоняются в сиротство,
Все сущее сводя на нет;
Так упраздняются народы
И страны в круговерти лет...

В годовом цикле времен в поисках Истины в человеке и через человека он выделяет особо два месяца: февраль – месяц его рождения – и октябрь – ставший месяцем его ухода из земной жизни. В метельном пении февраля²⁴ он находит истоки своего поэтического голоса, его окраску и интонации; в октябре²⁵ – трагическую завершённость пути – «вековое, роковое расположение к снегам».

Излюбленными в поэтическом словаре А. Гусева были слова «память», «свет», «тайна», «нездешний»; тональностью – боль творчества и любовь; содержанием – тайна жизни, помеченной направляющими знаками. Такими мистическими знаками стали для него трагические события, происшедшие с ним в один и тот же день три года подряд (23 июля 1974, 1975, 1976 гг.), в годы работы в Псковском музее-заповеднике.

Эти годы были для Поэта временем вхождения в исторический поток событий на Псковской земле, появившихся затем как в отдельных стихах, так и в целых поэтических циклах («Стихи из музея», «Музей», «Фрески», «Псковские фрески XIV века»²⁶).

Образы Николы Саллоса, купца Поганкина и живущего рядом ровесника века, «поднадзорного» Л.А.Творогова привлекли особое внимание завершённой гранённостью своих характеров. Стихотворение «Дым»,²⁷ посвящённое основателю Псковского древлехранилища, ученому-палеографу, характерно жесткими «задыхающимися» ритмами, сложной образной системой, в которой подвижник и мученик и свалка отбросов общества – взаимотождественные понятия для власть имущих:

Мучительна боль обожженной земли,
Когда, задыхаясь, дымятся на свалке
Остатки огня
Возле Чертовой балки,
Где только фиалки когда-то цвели.

Там все, чем мы жили, дышали, – горит.
А все, что не может гореть, –
Дотлевет.
Какой-то народ что-то там собирает,
Обыгранный кем-то давно реквизит.

И есть там ещё шелестящий старик,
Сухой и согбенный, он пепел тревожит:
Все хочет он что-то найти
И не может,
И к этому факту там каждый привык.

Но было – смущались:
Мол, что потерял?
Его увозили, но он возвращался,
Его не пускали, но он пробирался.
И вновь шелестел, и упорно искал.

Потерянный, рылся он в серой золе,
И даже, казалось, дышал виновато,
Украдкой крестился на охру заката,
И тлел он, и кланялся этой земле.
И только бездомной собаки худой
Он в дымной окрестности не сторонился.
Когда ж уставал, то на пепел садился,
И плакал,
И слепо смотрел пред собой.

И сразу же пес к старику подбегал,
Скулил он и голову клал на колени.
И эти две жалкие старые тени
От глаз осуждающих
Дым прикрывал.

В судьбе Творогова Поэт видит близость своей судьбе. Составитель путеводителя по музею, редактор и экскурсовод, вдохновенно и дотошно честно исполнявший свои обязанности, он оставался таким и в качестве председателя месткома, за что и поплатился, не вписавшись в систему положенных в советском обществе взаимоотношений «волчьим билетом»:

Напиться и то не позволят мне гены,²⁸
Уж если поверить науке самой.

Я трезв, как стеклышко в окнах геенны,
Всеогненной нашей геенны земной.

О чем же вы думали, предки-крестьяне,
Иль я, ваш наследник, до жалости плох?
Вы были вольны, и себе христиане,
За что отмечал вас и миловал Бог.

А мне каково среди нашей падучей
Не-жизни, паучьей грызни за стеклом,
Из красной своей паутины на случай
Мы даже веревки себе не совьем.

Из нечего вить, только вить остается.
Ах, Господи Боже, простите меня,
Я трезв, как стеклышко, что разобьется
От копоги этого гиблого дня.

Социальная сатира «Десятая муза» или «Пусто-пусто»²⁹ – прозаическая поэма о власти и подвластных продолжает «в иной тональности» тему «Дыма». Философским осмыслением происшедшего в 1970-е музейные годы стала поэма «Дом»,³⁰ толчком для создания которой послужила мистическая троичность дат событий (23 июля), завершившихся пожаром дома Поэта в 1976 году.

Писалась она на протяжении почти трех лет (1978 г. – Псков; 1979 г. – Новгород; 1980 г. – Псков), когда лишившийся «единственного, родного» дома, а затем работы, он предпринял попытку обрести их, приняв приглашение в Новгородское отделение Лениздата на должность редактора (с правом на получение жилья). Приглашение обернулось новым социальным глумлением времени: новым лишением того и другого после полугодового пребывания в Новгороде. Понятое Поэтом как новый призывающий зов Небес задуматься об ответственности каждого человека перед законами совести.

В многозначном символическом строе поэмы среди завораживающих ритмической магией стиха картин блаженной жизни на земле, в которой есть все: и «мелодии цветов», и «музыка пчелиного полета», «дыхание вишен», и «слетающие шумящие листопады», и «глухое забытье колоколов», герой ведет обычную для «земного» человека жизнь «как придется», пользуясь сладостной благодатью мира. Ни явленный в аллилуй-

ных «мягких теплых» вербах Богочеловек, ни память об «огромных», в «кровь избитых» ногах идущего на искупление человеческого греха («вмятые в землю вербы искупления» – вдохновенная находка автора поэмы) – греха безответственности, ни троичное появление Женщины с ребенком, в которой явственно означаются черты Иконы, ни ее троекратный призыв «хранить свой дом», не останавливают героя поэмы. Колокола «страдания и возмездья» звучат над уже горящим домом, «плоть» которого «содрогается» «от боли». Вписанный и в механистическую воронку общественного устройства и в мировые согласия и созвучия – читаем в поэме – человек ответственен за нарушение Божьего промысла о нем. Реальный пожар дома и судьбы Дома Человека – земли взаимосвязаны. «Чернеют обгорелые ракеты, а люди еще роются в земле. И от самих себя нам нет защиты», – такими строками завершается поэма «Дом».

1980-е годы – годы добывания «прожиточного минимума» для обеспечения «земного» хлеба были годами напряженной духовной работы среди изучаемых книг (образовавших в итоге внушительную библиотеку по литературе и искусству, главным образом по началу XX века), среди слышимых звуковых гармоний, превращаемых в стихи:³¹

Вот жизнь моя:
В ночных часах
Моих наитий и прозрений
Меня хранит мой добрый гений
С улыбкой боли на устах.

Неколебимы тени рук,
Их молчаливое скрещенье.
Когда ж я требую общенья,
То раздаётся только звук.

Он дик для слуха моего,
В нем гул безбрежности и воли
Иной, неведомой юдоли:
Открытых гласных торжество.

В нем нет согласных. И чудес
Ты не ищи: так плачут дети,
Так звёзды тонут на рассвете
В бездонном омуте небес.
Тайное знание определило «суровый

огонь постоянства» личности, избираемых ею поэтических тем, символическую многозначность языка, тончайшую трепетную нюансировку образов, благоговейную нежность ритмических «касаний», обострённую звуковую слышимость.³²

Звон серебряный, медленный звон
И далекого эха мерцанье –
То ль высокого неба касанье,
То ли ритма летящий наклон.

Я склоняюсь к забытым словам,
Слышу в паузах чье-то дыханье.
Отзовись! – Я не знаю названья! –
Лишь поземка по белым снегам.

Зимний день драгоценен и чист,
Словно чаша старинной работы.
Легкий слой огневой позолоты
Ослепительно свеж и лучист.

Только леса узор черневой;
Синий всполох эмали, просветы;
Скупое вкраплены, как самоцветы,
Снегири в этот снежный покой.

Как забыть эту краткость минут,
Неразгаданный дар вдохновенья,
Неслучайного чуда виденье,
Безымянного мастера труд!

Отзовись! Я не смею сейчас
Не поверить в твоё совершенство,
В это дружество, в это блаженство,
В этот мир, создающий нас.

Одиночество, понимаемое Поэтом как необходимость, как знак милосердия и тяжёлый крест, становится осознанной формой жизни, принявшей свою завершенность во второй половине 90-х годов.³³

Только б выдержать, выжить!
И снова –
Выдержать, выжить!.. Откуда во мне
Это смятение духа и слова
На доступной своей глубине?

Бьет из горящих провалов забвенья
Яростный мир – на крови, на слезах.

Как сотворенье... и как откровенье...
Дым... Пепелище... Надежда и страх...

Путник, идущий по хлябям небесным.
Призраком зыбким – в рассветную рань.
В скорби пустых деревьев –
бестелесным,

И перехвачена горем гортань. <...>

В 1990 году был подготовлен для издания двухтомник стихов, поэм; изданы три книги стихов:

«Измерения», «Если приду», «Колесо бытия». Сложная для обнаженной души Поэта, обессиливающая работа, дающая хлеб насущный и единственное спасение в том направлении, которое ещё в 60-е годы вернуло его в мир живых, – молитва. Евангельские темы становятся основными в его творчестве. И смерть, завершившая его земной скорбный путь, была смертью исповедника Христа – после соборования, через два часа после принятия Святых Христовых тайн.³⁴

Я сам себя позвал.

Я был далек

От мысли жить нескладно и нелепо.

Но возвратиться вновь

Под это небо

В иную жизнь

Я никогда б не смог.

Прийти в иной, уже нездешний час

И воплотиться с памятью о вас.

О вас, о тех, которые ушли

В края бездонной стужи или пекла,

А феникс, возродившийся из пепла,

Не лишний ли на празднике земли.

И вид знакомых мест, где жил.

Мне дорог был, поскольку рядом жили

Со мною вы, которых я любил,

И снова вы, что так меня любили.

Мы только коснулись наиболее значимых фактов земной жизни Поэта, не забывая, что «характер, поступки человека, как некая программа его судьбы, независимо от него, выявляют скрытый замысел Высших сил».³⁵

С матерью Акулиной Федоровной. (1900-1971). Около 1952 г.

В школьные годы.
(1945, Шемякинская сельская школа -
1952 - Псков, средняя школа № 8, 1955).
Начало 1950-х гг.

В студенческие годы.
(Ленинградский радиотехникум,
1955-1958).

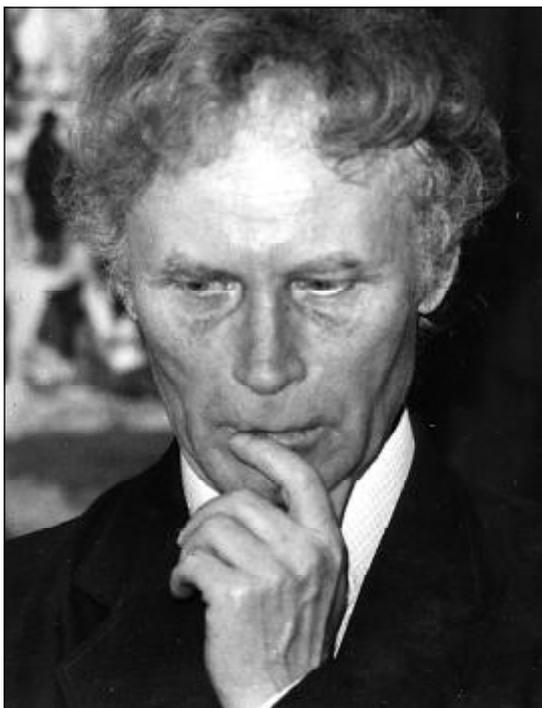
**В годы службы в Советской Армии в
испытательном батальоне ЦК ВЛКСМ
(1958-1962). 1959 г.**

**В поэтическом кружке в годы работы на радиозаводе (1962-1972).
(1963-64. Слева направо: И.Соболева, А.Гусев, Э.Лужкова, А.Ефремов)**

**В 1980-е годы.
(Книгохранилище Псковской областной
библиотеки, 1980-1989)**

**В раздумии. «Как в мире жить,
как с миром быть?». 1989**

**В своей квартире на улице
Стахановской. 2000.
«Не требуя от жизни ничего, пройдя
сквозь тьму, сиянье и свеченье, исполни
до конца предназначенье прихода и
ухода своего».**

Примечания

1. Голицына В.Н. Время осознания бытия // «Новости Пскова». 2001. 28 ноября.
  2. Гусев А.И. Стихотворения. 1991 // Архив поэта (машинопись).
  3. Мухин В. Боль, переплавленная в мудрость // «Новости Пскова». 2002. 17 октября.
  4. Гусев А. Послушайте, хватит! // «Молодой ленинец». 1962. 29 марта.
  5. Гусев А.И. Пожелай мне удачи. Л., 1971; Он же. Земле кланяюсь. Л., 1974; Он же. При свете памяти. Л., 1984; Он же. Измерения. Л., 1990; Он же. Если приду. Псков, 1996; Он же. Колесо бытия. Псков, 1999.
  6. Сообщено племянницей поэта С.В.Дмитриевой. В беседе с автором статьи Поэт упоминал о том, что в их роду был художник-график, связанный работой с Александро-Невской Лаврой.
  7. Гусев А.И. Еще не рассвет... (1988 г.) // Гусев А.И. Если приду... С. 53.
  8. Сообщено племянницей поэта С.В.Дмитриевой.
  9. Гусев А.И. Матери моей Акулине Федоровне (1964 г.) // Гусев А.И. Пожелай мне удачи... С. 11.
  10. Гусев А.И. Светлой памяти брата Николая (1964 г.) // Гусев А.И. Пожелай мне удачи... С. 15.
  11. Гусев А.И. Облачко (1977 г.) // Гусев А.И. При свете памяти... С. 14-15.
  12. Свидетельство Поэта.
  13. Гусев А.И. Через тридцать лет (1992 г.) // Гусев А.И. Если приду... С. 10.
  14. Гусев А.И. Мои стихи... (1979-1980 гг.) // Гусев А.И. Если приду... С.8.
  15. Гусев А.И. Псков, мой город родной. (Поэма) // «Молодой ленинец». 1964. 30 июня.
  16. Гусев А.И. Бессмертие // «Молодой ленинец». 1964. 29 февраля.
  17. Гусев А.И. Плачь, душа, молись...; Обитель смерти (1964-1976) // Гусев А.И. Если приду... С. 19.
  18. Гусев А.И. Распад (1969 г.) // Гусев А.И. Если приду... С. 19.
  19. Гусев А.И. Фуга (1990-е гг., без точной даты) // Гусев А.И. Если приду... С. 61; «Псковская правда». 1996. 21 декабря.
  20. Гусев А.И. Яблоки (1965-1969 гг.) // Гусев А.И. Если приду... С. 25-30.
  21. В спектакле народного театра профсоюз (ул. Советская, 66) в пьесе П.Таренкова «Так было» (режиссер-постановщик В.В.Истомин-Кастровский) А.И.Гусев исполнял главную роль Федорова - агента «Орла». На программе спектакля значится: «Александр Иванович! Поздравляем Вас с премьерой! Ваш дебют на сцене народного театра украсил спектакль. «Жить! только жить!» 2 марта 1963». Подписи директора, режиссера, автора. В спектакле «Вендетта» (автор Н.Винников, режиссер Ю.Полонский) исполнил роль студента Леонида (поздравление с премьерой на программе датировано 18 марта 1964 г.). В комедии В.Типота «Рядом с тобой» (19.05.1965 г.) – роль Б.М.Вострикова; в комедии З.Мороза «Лисица и виноград» (1966 г.) – роль Вольдемара; в пьесе Р.Назарова «Самая короткая ночь» (1970 г.) – роль Матвеева. К 10-летию народного театра (1971 г.) А.Гусевым была написана интермедия в двух действиях «День седьмой, или Как вам угодно», в которой он исполнял несколько ролей: М.Д.Бальзамина, Мих. Ярового и Севки Кичигина (программы хранятся в архиве Поэта).
  22. Гусев А.И. Я сегодня похож... (1972 г.) // Звучание свирели: Сборник. 1998. С. 242.
  23. Гусев А.И. И был я изгнан... (1992 г.) // Гусев А.И. Если приду... С. 9.
  24. Гусев А.И. Рожденный в феврале... (1984 г.) // Гусев А.И. Измерения... С. 6.
  25. Гусев А.И. Октябрь (1985 г.) // Гусев А.И. Измерения... С. 9.
  26. Гусев А.И. Стихи из музея (Керамида, Поганкины палаты, Довмонтов меч, При свете памяти, Псковская летопись, Елена и др.) (1973 г.) // Гусев А.И. При свете памяти... С. 17-23, 30-31.
  27. Гусев А.И. Дым (1977 г.) // Гусев А.И. Измерения... С. 19-20.
  28. Гусев А.И. Напиться и то... (1977 г.) // Архив поэта.
  29. Произведения «Пусто-пусто (Десятая муза)», «Четыре дня», посвященные событиям музейной жизни, хранятся в Архиве поэта (машинопись, рукопись).
  30. Гусев А.И. Дом (1978 г., Псков – 1979 г., Новгород – 1980 г., Псков) // Гусев А.И. Измерения... С. 85-110.
  31. Гусев А.И. Вот жизнь моя... // Гусев А.И. При свете памяти... С. 35-36.
  32. Гусев А.И. Звон серебряный... (1985 г.) // Гусев А.И. Измерения... С. 7.
  33. Гусев А.И. Только бы выдержать... (1992 г.) // Гусев А.И. Если приду... С. 59.
  34. Гусев А.И. Я сам себя позвал... (1981 г.) // Гусев А.И. При свете памяти... С. 57-58.
- Датировка стихов, приведенная в скобках после названия произведения, авторская; приводится в составленном Александром Гусевым в 1993 г. двухтомнике произведений, подготовленном к изданию (машинопись, хранится в Архиве поэта): Александр Гусев. Стихотворения и поэмы. Том первый. 1962-1979 (258 произведений); Том второй. 1980-1992 (361 произведение). Автор статьи благодарит за помощь в сборе материала хранительницу Архива Поэта С.В.Дмитриеву (Псков).
35. Бобков К.В., Шевцов Е.В. Символ и духовный опыт православия. М., 1996. С. 237.